

ХАРАХОРИНА А.А.

(Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-1(Жданов И.)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ ИВАНА ЖДАНОВА (КНИГА СТИХОВ «МЕСТО ЗЕМЛИ»)

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные образы книги стихов «Место земли» И. Жданова с целью выявления их специфики и закономерностей построения. На примере конкретных текстов выстраивается общая структура пространства. Выявляются три варианта художественного пространства (космос, природа, повседневье). Также рассматриваются конкретные пространственные образы, которые являются лейтмотивами и несут общий для всей книги смысл. Представлен анализ ряда не относящихся к пространственным образам, но дополняющих единую для книги систему поэтического мироустройства.

Ключевые слова: художественное пространство; пейзажи; лейтмотивы; пространственные образы; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество.

Внимание исследователей к поэтическому творчеству Ивана Жданова не становится меньше с течением времени. В коллективной монографии «Иван Жданов» (серия «Русская поэзия Сибири XX века») работа, проведенная по изучению русской поэзии второй половины XX века определенного региона, охарактеризована так: «Появились монографии и диссертационные исследования, в которых рассмотрены поэтика творчества и стилиевые особенности <...>, определены интертекстуальные связи и основной контекст лирики, предприняты попытки осмысления поэтических систем с точки зрения типологической включенности в состав литературной группы, течения или направления» [Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов 2017: 8]. Все вышперечисленное с той или иной степенью конкретности написано и о творчестве И. Жданова.

Плодотворна, на наш взгляд, идея «высшей связи с Божественным» высказанная О.Н. Меркуловой, в ходе целостного анализа метафизики поэта [Меркулова 2017: 129]. Обращают на себя внимание глубокие интерпретации программных стихотворений «Портрет отца» и «Контрапункт» С.М. Козловой [Козлова, Изотова 2017: 21, 44]), «Ревность» [Там же: 135, 170] и другие. Мы предлагаем взглянуть на пространственную организацию этих текстов.

Безусловно, за столь короткое время осветить большинство аспектов творчества такого незаурядного поэта едва ли возможно. Поэтому существует большой спектр особенностей поэтики, требующий детального и пристального изучения. Одной из таких особенностей выступает своеобразие художественного пространства. Неслучайно в заглавия столь многих поэтических книг Жданова выносятся пространственные образы – «Портрет», «Неразменное небо», «Уединенная мироколица», «Место земли». В последнем случае парадоксально соединено стремление определить «место» с отсутствием конкретности в семантике этого слова. «Место земли» это, безусловно, больше чем смысл каждого из этих слов в сумме. Это образ, в котором аллитерация и ассонанс создают звуковую вязкость ([м']-[мл'], [с]-[з], [е]). Он затягивает, поглощает. Сама земля тоже включена во что-то большее, среди чего находится ее «место». Неоднозначность, многослойность образа, вынесенного в заглавие, указывает на сложность пространственных образов книги.

Поэтическое пространство всех текстов рассматриваемой книги создает единую картину мироустройства, что позволяет говорить о некоторой закономерности относительно его построения. Художественный мир книги стихов «Место земли» условно можно разделить на 1) пространство космоса (небо, ночь, созвездия и т. Д.), 2) пространство природы (дождь, лес/листопад, река, поле) и 3) пространство повседневья (дом, комната, бар, театр, город и т. д.). Выбор автором того или иного варианта пространства не случаен. Оно обязательно так или иначе связано с действием или мыслью лирического героя. Например, в стихотворении «Ревность» автор сам дает пояснение выбору пространства:

*... был разговор в коридоре,
то есть в пространстве, где в сторону шаг невозможен
там, где находишь себя невпопад, априори
в чем-то виновным, и ты от всего отгорожен.*

[Жданов 1991: 94]

Скованность сознания, порожденная самой ситуацией, воплощается пространством, в котором лирический герой оказывается «зажат». Но чувство героя по мере разворачивания стихотворения эволюционирует, движется вместе с ходом его мысли:

*Нет, коридор ни при чем, это только расплата –
вот ведь в часах от часов уже что-то двойное
есть – и, помимо привычных услуг циферблата,
то, что присуще любому предмету: стальное
или песочное их существо табуретки
недолговечней, а время зубов не съедает.*

[Жданов 1991: 94]

Своеобразная текучесть пространства характерна почти для каждого стихотворения книги «Место земли». Автор стремится перейти от пространства повседневья к пространству космическому. В поэтическом тексте за счет этого будто образуются восходящие линии. Так, например, в стихотворении «До слова»: «И вот уже партер перерастает в гору // Подножием своим полсены обхватив» [Жданов 1991: 5], пространство динамично, оно перетекает от одной своей формы к другой. Для того, чтобы развить мотив творчества, необходим выход из пространства обыденности, который осуществляется в данном случае посредством перехода к пространству природы. От пространства театра автор переходит к образу «степи, изъеденной зноем» и, наконец, к образу божественной воли, снизошедшей к герою в образе «соскачивших с туч всадников». С помощью природы осуществляется связь повседневности с космосом, возможен выход к нему.

Но есть и своеобразные порталы. Таков образ зеркала, которое, как нам кажется, следует рассматривать в совокупности с образами окна, портрета. Благодаря сакральному смыслу, заключенному в этом образе, переход из одного пространства в другое совершается не последовательно (от повседневья к природе, а затем к космическому пространству), а будто бы прыжком от повседневья к космосу. При этом изменяется не только пространство, но и время. Специфика ждановского образа зеркала, и связанных с ним образов окна, портрета и рамы с очевидностью являет себя в стихотворении «Портрет отца», которое позволим себе процитировать полностью:

*И зеркало вспашут. И раннее детство
вернется к отцу, не заметив его,
по скошенным травам прямого наследства,
по желтому полю пути своего.
и запах сгорающих крыльев. И слава
над желтой равниной зажженных свечей.
и будет даровано каждому право
себя выбирать, и не будет ночей.*

*Но стоит ступить на пустую равнину,
как рамкой резной обовьется она,
и поле увидит отцовскую спину
и небо с прямыми углами окна.*

*А там, за окном, комнатенка худая,
и маковым громом на тронном полу
играет младенец, и бездна седая
сухими кустами томится в углу.*

*И мак погремушкой ударит по раме
и камешком чиркнет, и вспыхнет она
и гладь фотоснимка сырыми пластинами,
как желтое поле, развалит до дна.*

*Прояснится зеркало, зная, что где-то
плывет глубина по осенней воде,
и тяжесть течет, омывая предметы,
и свет не куется на дальней звезде.*

[Жданов 1991: 7]

Образ «вспаханного зеркала» указывает на разрушение пространства, то же можно сказать о «вспыхнувшей раме» и «развалившейся до дна глади фотоснимка». Но почему автору столь важно показать это разрушение? Образ зеркала, по Жданову, относится не только к пространству, но и ко времени: «Там, в зеркале, – ты уже в прошлом» [Жданов]. В зеркале заключено прошлое, и поэтому важен процесс его высвобождения.

С.М. Козлова, интерпретируя это стихотворение, четко разграничивает место отца и место сына в нем, соотнося с каждым из них те или иные действия. «Зеркало, фотоснимок – метафоры отражающего, запечатлевающего сознания, а желтое поле, желтая равнина зажженных свечей – метафоры старого опыта и старых знаний, которыми заросло, замутилось человеческое сознание, утратившее образ истинного мира» [Козлова 2017: 21]. Мы же попробуем подойти к рассмотрению этого текста, заранее отказываясь от конечного разграничения места отца и сына. Отец и сын смотрят друг на друга поочередно, становясь то объектом, то субъектом взгляда. Когда субъектом зрения становится поле «и поле увидит отцовскую спину» [Жданов 1991: 7], речь идет не просто о пространстве природы, лирический герой сам становится природой (это же прослеживается, например, в стихотворении «До слова» [Жданов 1991: 5]). За счет этого приравнивания происходит сближение с космическим началом. Лирический герой занимает позицию природы, становится связью повседневья и космического пространства. Не случайна также метафора «скошенных трав прямого наследства», усиливающая связь прошлого и настоящего.

И тот, кто смотрит в зеркало и тот, кто предстает в образе ребенка должны быть скрыты от читателя. Именно в таком случае сохраняется текучесть образа, благодаря которой размывается точное представление о времени и пространстве, а также стираются отметки точного места героев во времени. Пласты фотоснимка, «разваливаясь», отматывают время назад. Разрушается, наконец, и «желтое поле» в результате чего

«проясняется зеркало». Смотрящий, наконец, видит себя, нет преграды пространства и времени, поэтому и «свет не куется на дальней звезде».

Способностью отражать образ зеркала схож с водой, которая, в свою очередь, соотносится со всем, что в стихотворении призвано создавать образ души. Душа становится зеркалом, в которое смотрится Бог, потому что «человек нужен Богу, как собственное отражение» [Жданов]. Вектор связи природы и космоса, в случае с водой, может быть и противоположно направленным, то есть нисходить от космического к природному. В этом и состоит основная особенность данного образа: усложнение, на первый взгляд простого, линейного изображения пространства. Особенно интересно наблюдать за сменой векторов в описании дождя. В стихотворении «Дождя отвесная река...» [Жданов 1991: 23] в последней строфе вода устремляется из луж обратно в небо: «И лужи, полные водой» начинают «тянуться вверх». Это и способность души откликнуться, и подтверждение связи природы и космоса.

Образ воды избирается автором для обозначения всего, что связано с душой человека не случайно. Такая метафора возможна благодаря наличию разнообразных свойств. Например, вода батареи в «Рапсодии батареи отопительной системы» обладает способностью находиться в различных агрегатных состояниях. О. Н. Меркулова [Меркулова 2017: 107] справедливо считает, что важнейшая мысль И. Жданова о перевоплощении всего сущего реализован в лейтмотиве изменений воды. Так, например, в стихотворении «Душа проснется, и тогда» проснувшаяся душа сравнивается с освободившейся ото сна подо льдом водой:

*Душа проснется, и тогда
заплачет поляя вода...*

[Жданов 1991: 36]

И если душа обладает сходством с водой, то метафора «жизни-водоворота» становится намного обоснованнее и глубже.

В стихотворении «Лунный серп, затонувший в Море Дождей...» перед читателем предстает история о «позабывших людях» [Жданов 1991: 105]. Души умерших собраны вместе, обезличены, безымянны и поэтому представляют собой не динамичные дождь или реку, а более статичное море.

Вертикальность линий позволяет сопоставить образ воды с образом леса/листопада. Здесь те же, что и у воды, устремленность вверх (лес) и, обратная ей, направленность вниз (листопад). В стихотворении “Тихо сердце, как осень, горит...” изменчивость леса метафорически являет движения чувства лирического героя:

*Что-то было и что-то прошло,
только сердце, как лес, опустело,*

*наважденьем листвы прошумело,
в листопаде замкнуло тепло.*

[Жданов 1991: 44]

Но, возможно, сравнение леса и души сильнее поэтически там, где оно выражено не столь очевидно:

*Только кто же войдет в этот лес,
наважденьем его заморожен,
осторожно, пока он возможен
и пока он совсем не исчез?*

[Жданов 1991: 44]

Душа в стихотворении главное действующее лицо. Она обладает необходимой для поэтического мировосприятия подвижностью, текучестью, изменчивостью форм. Она часто становится сопоставима с природой, а значит, в большей мере позволяет приблизиться к космическому, и, что более значимо, к божественному бытию.

Дверью в небесное, космическое пространство могут быть не только образы-порталы или природные образы, но и, как называет их сам автор, *категории* («Ниша в современном понимании как категория», «сакральный символ» [Жданов]). Это обобщенное видение пространственных реалий, воплотившееся в два противопоставленных образа: ниша и столп. Они представляют собой не лейтмотивы, а философские категории, не менее значимые для осмысления пространства.

Сложно точно определить, какое значение в ждановском мироустройстве обретает *категория* ниши. Очевидно, что она сопредельна с лейтмотивами портрета и окна. Предельная опредмеченность ниши, ограниченность просматриваемого из ниши пространства, статичность, атрибутика социальной роли («нимбы святых и фуражек железные дуги» [Жданов 1991: 80]) еще раз подтверждают возможность сравнения с портретом, который, по сути своей окно, имеющее глубину, окно, за которым нет комнаты, а есть лишь внутреннее пространство окна.

«Ниши чаще всего пусты» [Жданов], но занять нишу может человек, он может войти в это «призрачное пространство» [Жданов]:

*Сколько душ соблазненных примерить пытается взглядом
эти нимбы святых и фуражек железные дуги,
чтобы только проверить, гордясь неприступным нарядом,
то ли это тавро, то ли кляп, то ли венчик заслуги.*

[Жданов 1991: 80]

«Ниша – углубление в стене, созданное для постановки статуй, кроватей, ваз и пр.» [Чудинов], а значит, ниша создана для того, чтобы быть занятой. Она, в некотором смысле, и место человека, предназначенное для кого-то определенного: ниша царя, героя, пророка. Ниша –

«небесная дверь, снизошедшая на землю», это подчеркивается божественной волей, определяющей, кому занять место царя, героя, пророка.

«А столп – это радость и утро, а утро – это утроба, откуда рождается свет, день и солнце» [Жданов]. Неслучайно он вертикален, устремлен вверх. Даже своим пространственным очертанием он противопоставляется нише. Если пытаться определить внешний образ столпа, то, на наш взгляд, его следует соотносить не с архитектурным сооружением, а с тем столпом, который описывается в «Исходе». Столп в миростроении И. Жданова – зримое знамение божественного присутствия. И поэтому он связан с божественным, космическим началом, в большей степени, чем ниша, которая ближе человеку. Ниша и столп представляют собой две модели связи с космическим, божественным пространством (портал и восхождение, соответственно). Такие же две модели возникают и при анализе лейтмотивов зеркала, портрета и дождя, леса. Пространство, в конечном счете, перерастает роль действующего героя и становится знаком. А образ, сокрытый в этом знаке, благодаря сочетанию черт обозначаемого и обозначающего, достигает предельного развития и полноты.

Таким образом, художественное пространство книги стихов И. Жданова «Место земли» можно рассматривать как иерархическую систему, внутри которой существуют различные способы перехода от уровня к уровню. Все типы пространства представляют собой не просто элементы действительности, а текучее перевоплощение, единое гармоничное мироустройство. И, наконец, постоянство выхода к космическому (божественному) пространству, повторяющееся в текстах, определяет и последовательность самих текстов внутри книги стихов: от стихотворения «До слова» [Жданов 1991: 5], где в большей мере представлено повседневно, к стихотворениям «Лунный серп, затонувший в Море Дождей...» [Жданов 1991: 105] и «Восхождение» [Жданов 1991: 106], в которых сами названия подчеркивают вертикальность. Строгая выверенность организации художественного пространства обусловлена его повышенной значимостью в поэтическом мире и философии автора.

ЛИТЕРАТУРА

Жданов И. Ф. Место земли. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 109 с.

Жданов И. Ф. Все дело в источнике света... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ivanzhdanov.com/article3.htm> (дата обращения: 28.10.2018).

Козлова С. М., Изотова Я. П. «Иван Жданов: о себе, о нем, о его творчестве» // Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: моно-

графия / под ред. С. А. Комарова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. – С. 16-72.

Меркулова О. Н. «Всеединое в метафизической поэзии Ивана Жданова» // Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: монография / под ред. С. А. Комарова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. – С. 73-157.

Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: монография / С. М. Козлова, О. Н. Меркулова, О. А. Седакова, Н. С. Чижов; под ред. С. А. Комарова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. – 392 с.

Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (дата обращения: 28.10.2018).

REFERENCES

Zhdanov I. F. Mesto zemli. – M.: Mol. gvardiya, 1991. – 109 s.

Zhdanov I. F. Vse delo v istochnike sveta... [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ivanzhdanov.com/article3.htm> (data obrashcheniya: 28.10.2018).

Kozlova S. M., Izotova Ya. P. «Ivan Zhdanov: o sebe, o nem, o ego tvorchestve» // Russkaya poeziya Sibiri XX veka: Ivan Zhdanov: monografiya / pod red. S. A. Komarova. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. – S. 16-72.

Merkulova O. N. «Vseedinoe v metafizicheskoy poezii Ivana Zhdanova» // Russkaya poeziya Sibiri XX veka: Ivan Zhdanov: monografiya / pod red. S. A. Komarova. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. – S. 73-157.

Russkaya poeziya Sibiri XX veka: Ivan Zhdanov: monografiya / S. M. Kozlova, O. N. Merkulova, O. A. Sedakova, N. S. Chizhov; pod red. S. A. Komarova. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. – 392 s.

Chudinov A. N. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. 1910 god [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (data obrashcheniya: 28.10.2018).

Науч. руководитель: Снигирева Т.А., д.ф.н., проф.